

Золотому сну русского театра.

(Свѣтлой памяти В. Ф. Коммиссаржевской).

Небольшой могильный холмъ, убранный дерномъ... И подъ нимъ дорогіе останки той, кто былъ радостью и отрадой нашей повседневной жизни, — нашей юной и прекрасной грезой.

Вѣчная память тебѣ, волшебная сказка, незабвенная Вѣра Федоровна...

Годъ ужъ прошелъ, какъ навсегда ушли родное, первое лицо, печальные глаза — зеркало прекрасной сложной души, — и единственный въ мірѣ голосъ — глубокий и проникающій...

Нелѣпая смерть скосила жизнь, — ту жизнь, безъ которой погасли огни радости, огни театральной молодости и исканій...

Мы живемъ такъ мало, что каждый обманъ во имя правды значить не меньше, чѣмъ самая правда. Лишь-бы мы были искренни и безкорыстны.

В. Ф. Коммиссаржевская, — эта славная жрица-поэтъ, — отдавала всю себя, чтобы поддержать то, что было для нея выше и значительнѣе ея самой — искусство.

Она обманывала несчастныхъ — счастьемъ, слѣпыхъ — свѣтомъ...

Годъ ужъ прошелъ, какъ нѣтъ среди насъ бѣлой

Чайки, нѣтъ мятущагося, трепетно-бывшагося сердца... Нѣтъ Вѣры Федоровны Коммиссаржевской!

Взрывъ горя, потрясшій Россію при извѣстии о ея кончинѣ, быть можетъ, улегся, — но ни въ одной душѣ не померкла еще глубокая, тихая грусть, не затихли еще боль и сожалѣніе о той, кого ужъ нѣтъ и кто не вернется вновь въ юдоль печали и скорби...

Вѣра Федоровна не забудется.

Маленькій могильный холмъ, убранный дерномъ, зеленая елочка, посаженная на самую могилу, усыпанная бѣлыми неувядающими цвѣтами... Лавровыя вѣтви — символъ славы и преклоненія... Неугасимая лампада и небольшой терновый вѣнокъ, возложенный чѣй-то любящей и все появившей рукой...

Терновые шипы... Къ чѣму мученическому облику подошли-бы они больше?

Развѣ во всей жизни Вѣры Федоровны, сквозь переливы смѣха, не слышались подавленные рыданія?

Миръ праху твоему, незабвенная, бѣлоснѣжная

Чайка!

Леонидовъ.